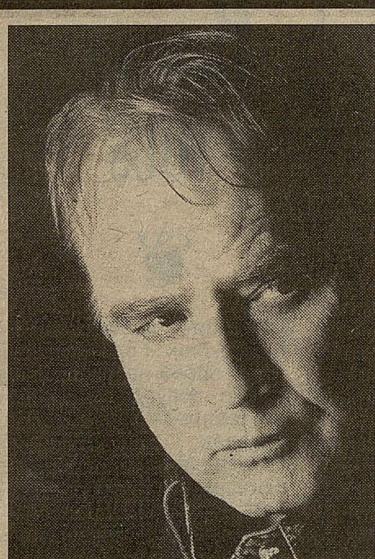

— Джонни говорил о вас много лестных слов. Как вы можете определить ваши отношения?

— Джонни — друг. Мы знакомы почти два года, с тех пор, как снимались вместе. Мне кажется, он невероятно талантливый и очень интересный человек. В нем чувствуется... lightness of heart, как это будет по-французски?

— Величие души.

— Да, именно. У него очень приятные манеры, очень симпатичные и естественные. Кроме того, он исключительно умен. Почти идеальный человек. Мне кажется, ему пришлось в жизни много бороться, но он сумел преодолеть трудности. Сейчас он стал режиссером и я счастлив помочь ему, играя роль в его фильме.

— Он не напоминает вам вас самого в молодости?

— Нет-нет. Чувства, которые я к нему испытываю, — отцовские и одновременно дружеские. Джонни — очень зрелая личность, он глубоко понимает других людей и жизнь в целом. Но вместе с тем мне не отделаться от отцовских чувств.

— Джонни говорил, что писал роль МакКартни в расчете на вас, но не смел вам ее предложить.

— Он очень деликатен в таких вопросах. Я уже не помню точно, как все произошло. Я услышал от кого-то, что он хочет меня пригласить, я не помню, когда он сам ко мне обратился, но в любом случае я сразу же сказал "да".

— Вы согласились по старой дружбе или вас действительно заинтересовала роль?

— Нет, потому что мы очень сильно переписали роль. Вначале я должен был сниматься один день или полтора. А теперь я уже шестой день снимаюсь. Наверное, пора закруглять! (Смех). Джонни, ты слышишь, хватит, старина! Конечно, мне не очень удобно в этом караван-сарае, но Джонни старается создать мне все условия. Мне доставляют фрукты и все, что понадобится. И члены съемочной группы очень доброжелательны. Их выбирал сам Джонни, и они делают все, чтобы я чувствовал себя хорошо.

— Итак, вы сильно изменили роль МакКартни...

— Да-да...

— ... в смысле — сделали его более сложной личностью?

— Это невозможно объяснить. Это слишком тонко, держится на нюансах, и в любом случае я не хочу говорить о роли, потому что фильм должен быть сюрпризом.

За последние 20 лет Брандо встречался с журналистами считанное число раз. Живая легенда, человек, изменивший лицо американского кино и театра, после успеха в "Крестном отце" и "Последнем танго в Париже" он удалился на свой остров вдали от цивилизации. Брандо выбирался оттуда, только когда нуждался в деньгах, снимался в первом попавшемся фильме, который ему предлагали, и снова удалялся от общества.

Поэтому интервью, что он согласился дать французскому журналу Studio Magazine, можно считать в своем роде уникальным. Интервью было взято в городке Риджкрест, неподалеку от Лос-Анджелеса, на съемочной площадке фильма "Храбрец" — он стал режиссерским дебютом актера Джонни Деппа. Два года назад Депп и Брандо вместе снимались в фильме "Дон-Жуан де Марко" и подружились на съемках. Когда Депп решил перейти в режиссуру, Брандо согласился помочь ему своим именем и сыграл в фильме одну из ключевых ролей.

Во время интервью с французским журналистом Брандо говорил по-французски и, согласно подписанному перед интервью контракту, Studio воспроизвел слова 72-летнего актера без малейших искажений и сокращений. "ЭС" тоже перепечатывает их без сокращений — рука не поднимается сокращать.

Марлон БРАНДО:

"Весь мир имитирует"

Кристоф Д'ИВУАР

— Насколько я знаю, в "Храбреце" речь идет о snuff-movies — фильмах, когда перед камерой совершаются настоящие убийства. Когда вы впервые прочитали сценарий, вас удивила эта история и сам факт, что Джонни хочет снимать такое кино?

— Честно говоря, я не читал сценарий. Я знаю сюжет, Джонни рассказал эту историю и я понял суть фильма. Я предпочитаю не читать сценария во избежание сложностей. Если сценарий плох, я не огорчу режиссера моими замечаниями и не унижу себя враньем, что сценарий якобы хорош. Поэтому я не читаю сценариев, чтобы не высказывать о них своего мнения. Но так или иначе, я уверен, что фильм будет исключительный. У меня в фильме 20 минут, этого достаточно, чтобы судить обо всем проекте. Порой достаточно прочитать один абзац, чтобы понять, талантлив ли писатель, есть ли у него вкус к языку. То же самое — скульптура. Необязательно видеть лицо Ники Самофракийской или руку Венеры Милосской, мы можем их вообразить, можем признать талант скульптора. Это очень легко — экстраполировать. Я знаю менталитет Джонни, я уже работал с ним, мы много разговаривали. Я знаю, что он не может снять плохой фильм.

— Вчера я присутствовал на съемках одной из сцен, где вы встречаетесь с Джонни. Ваш персонаж говорил о смерти и необходимости духовной жизни...

— Это была полуимпровизация.

— Вы сами думаете так же, как ваш персонаж?

— Я уже не помню. Мы снимали эту сцену много раз, и я не помню, какие слова я говорил в каждом отдельном дубле. Но в любом случае это не вопрос жизненной философии. Это была именно импровизация. Мы знали смысл и цель этой сцены и шли к задуманному, но сами слова, постановка сцены — это не решалось заранее. И я предпочитаю работать именно в таком стиле. Нам удалось добиться большого успеха по такому методу в фильме "Последнее танго в Париже". Бертолуччи не очень хорошо понимал английский, тем более американский жаргон, но он в меня верил, и результат оказался неплохим.

— Вы хотите сказать, что в "Последнем танго в Париже" многое было симпровизировано?

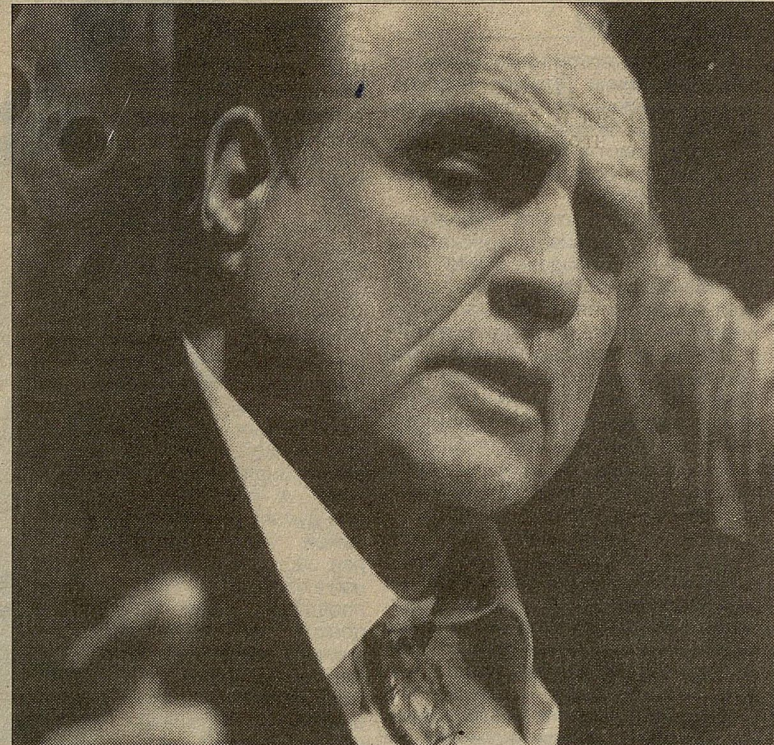
— Да, именно. Почти все было импровизацией. Разумеется, мы обсуждали диалоги, которые должны были сниматься, но потом Бертолуччи давал нам полную свободу. Есть постановщики, очень открытые актерским предложениям, но есть и другие, которые очень точны во всем, что происходит в кадре. Например, Джилло Понтекорво в "Кеймаде". Мы много спорили во время съемок, но я не терял уважения к его таланту. Это очень талантливый человек, но очень точный. На этом фильме мы должны были говорить по-французски, потому что он не знал английского. Но он объяснялся с нами жестами и ухитрялся показывать руками все нюансы. Замечательный постановщик, хотя были и другие, Элиа Казан, например. Это был настоящий актерский режиссер. Он стимулировал актеров, он их вдохновлял, и актеры расцветали на его площадке. Он умел с ними говорить, находить нужный уровень эмоций для мельчайших деталей. Таких, как он, очень мало. Из всех, с кем мне приходилось работать, Казан был единственным режиссером, способным на такое. Он уникален, потому что сам был актером и сотрудником театральной школы. И эта школа произвела переворот в актерской профессии, потому что там преподавала Стелла Адлер. Она учила по системе Станиславского — и меня, и остальных, и возникла целая диаспора актеров, по стопам которых пошли во всем мире. Этот стиль сформирован русскими.

— Но и вы сами много вне...

— Сегодня во всем мире многие копируют этот стиль. Смешно — они считают, что имитируют американцев, а на самом деле имитируют русского — Станиславского!

— В вашей автобиографии вы говорите о финальной сцене "Апокалипсиса сегодня", которая сначала шла 45 минут.

— Да, мы сняли сцену на 45 минут, сцену-импровизацию, которую я никогда не видел. Насколько я помню, сцена была хорошей. Фрэнсис использовал отрывки, очень короткие кусочки. Может быть, это не соотносилось с тем, как он видел фильм.

— Смотреть на вас во время съемок — завораживающее зрелище. Что вы чувствуете в тот момент, когда включается камера?

— Это зависит от сцены, зависит от момента. В разные дни чувствуешь разные эмоции.

— Не вызывает ли в вас включение камеры неизменное удовольствие или неизменное головокружение?

— Удовольствие? Определенно нет. Зависит от обстоятельств. Если это комедия, мне хорошо, потому что я люблю посмеяться. Все зависит от момента. (Пауза). Вы ждете продолжения?

— Когда вы играете, вы знаете, что играете? Или вы полностью забываетесь в персонаже в тот момент, когда включается камера?

— Когда вы падаете в бездну, трудно думать о счете за последнюю трапезу! Вы падаете! Конечно, время от времени приходится обращать внимание на то, чтобы не слишком далеко отходить от меток на полу или света прожектора. Поэтому приходится ненадолго включаться в реальность.

— Когда сейчас вы смотрите на Джонни, вспоминаете ли вы ваш собственный режиссерский опыт на фильме "Одноглазые валеты"?

— Нет.

— Почему вы поставили только один фильм?

— О, потому что все началось очень рано утром. Режиссер вынужден вставать на заре, как дикий зверь. А вечером должен организовывать все на завтра. Слишком много работы.

— Вы не жалеете, что не поставили других фильмов?

— Нет.

— Вы не пытались писать собственные сценарии?

— Да, я много писал. Почти во всех фильмах я переписал свои роли. Иногда я вообще полностью писал свою роль от начала до конца, но я никогда не требовал помещать свое имя в титрах. Кстати, почти никто из режиссеров не хочет признавать, что им переписали фильм, или хотя бы половину или четверть. Они предпочитают, чтобы зрители верили. Но я не имею ничего против, для меня это не проблема.

— Что влияет сегодня на ваш выбор того или иного кинопроекта?

— Деньги.

— Правда?

— Да.

— И только?

— О, да. Когда я был молод, меня интересовало все-все-все. Сегодня моими делами занимается один человек. Он мне говорит: "Марлон, пора оплачивать счета". Тогда я беру один сценарий, который мне прислали и который валется на столе, и говорю: "О'кей, я буду сниматься в этом". А он мне отвечает: "Нет, Марлон, не получится, этот фильм уже сняли, он недавно в прокат вышел". Тогда я беру другой... (Смех). На самом деле, то, что я говорю, не совсем точно, потому что есть фильмы, о которых я знаю, что они будут иметь большой успех, но я в них не снимаюсь, потому что не хочу возвращаться в дорогостоящие боевики.

— Почему? Вы слишком долго в них снимались?

— Нет. Просто потому, что мне это скучно. Наверное, это зависит от возраста.

— Складывается впечатление, что сегодняшнее кино вообще вас не привлекает.

— Кино осталось тем же, что и раньше. Это бизнес, но все говорят о нем, как об искусстве. Люди говорят: "Ах, Жан Кокто снял то-то и то-то... Ах, "Дети райка", какой изумительный фильм, Арлетти такая потрясающая актриса..." В кино есть определенные красоты, исключительные моменты, которые переживают десятилетия, но я не рассматриваю кино как искусство. Это бизнес. Все люди в киносреде ведут себя как бизнесмены. Сколько будет стоить фильм? Кто его будет прокатывать? Когда выпуск? Во сколько обойдется реклама?

— Но бывают фильмы, способные изменить жизнь людей.

— Многие люди отравлены кино. Не знаю, почему. Вернее, знаю. Потому что мы, актеры, являемся фантазиями публики. Мы отвечаем стремлению зрителей мечтать. Мы переживаем нечто, с чем люди хотят себя идентифицировать. Они переживают это эмоционально, глубоко, но не подвергая себя риску, опасности этих испытаний. В конечном итоге фильм делают не актеры, а зрители. Если актер умеет не вмешиваться в процесс, он заставляет зрителя играть свою роль. Зритель полно-

стью идентифицирует себя с персонажем и создает свою историю. Зритель, а не актер.

— Однако вы в свое время признавали, что эмоциональные испытания на съемочной площадке "Последнего танго в Париже" вас глубоко потрясли.

— (Смех). Если вы ничего не говорите по выходе фильма, люди начинают сочинять всякие истории. "Он сделал это, он подумал то", — и так далее. Но мне плевать, что говорят люди. Я никогда не говорил с прессой. Сегодня я говорю с вами, потому что Джонни сказал, что вы искренний человек и вам можно доверять. Я ответил: "Тем не менее пусть подпишет контракт, потому что без контракта у меня не будет контроля". Поэтому прежде чем встретиться с вами, я настоял, чтобы вы подписали факс. Обычно перед интервью журналист пишет что-то вроде комментария, длинное вступление: "Брандо такой-то, Брандо

— На съемках "Последнего императора" в Китае Бертолуччи говорил, что очень хотел пригласить вас на роль, которую в конце концов сыграл Питер О'Тул.

— Да.

— Вы не хотели играть эту роль?

— Мне не хотелось бы отвечать. Мне очень хотелось снова поработать с Бертолуччи, но это зависело от роли. Хотя, когда я посмотрел фильм, ненадолго почувствовал сожаление. Увидев величие Китая, увидев правящие классы древнего Китая. Я не могу толком объяснить это по-французски, но по большому счету я пожалел, что не был там и не познакомился со всеми этими людьми. Потому что мне очень хотелось поехать в Китай, говорить, вести диалог с китайцами. Китайцы — настоящие титаны. Наполеон говорил: "Не мешайте спать китайцам, потому что если они проснутся, весь мир об этом пожалеет". Китай — ги-

ет. (Смех).

— Невероятно! Как вы можете объяснить полное отсутствие в вас интереса к кино?

— Я всегда старался делать свою работу как можно лучше, но меня всегда больше интересовали другие вещи. Я так и не смог решить, что же меня интересует больше всего.

— Возможно, именно поэтому вы стали великим актером?

— О!..

— Но вернемся к медитации.

— Медитации? Нет. Я просто очень интересуюсь — сейчас подберу нужные слова — динамикой системы, которая связывает мысль с эмоцией. Чтобы понять, происходит ли эмоция от мысли, или мысль от эмоции. Меня интересует эта комбинация, как и мотивы, толкающие людей постоянно открывать что-то новое. У меня много интересов. Я могу 45 минут наблюдать за муравьями, и мне ни на мгновение не станет скучно. Жаль, что нельзя иметь

дерева-долгожителя, вроде секвойи, или зверя, который размножается иначе, чем человек. Мы будем жить 150 или 200 лет, оставаясь юными.

— Вы этого хотите?

— А может быть, этот ген окажется у... как называется это животное с восемью руками, которое живет в море?

— Спрут?

— Да, спрут. Если спруту обрывают руку, у него отрастает новая. Может быть, это скоро будут делать с людьми.

— Если бы вы не стали актером, вы, наверное, стали бы ученым.

— Если бы я не стал актером, думаю, был бы вором.

— Вором?!

— Да. (Смех).

— Что бы вы воровали?

— О, не знаю. Все, что мне было бы нужно для жизни. Много лет назад в Париже я был знаком с Жаном Жене. Он был писателем и вором. Он рассказал мне много историй. Очень духов-

мир бизнеса все изменил. Все мы стали продавцами. Даже идеи продаются. Писатели хотят попасть на телевидение, чтобы говорить о своих книгах, чтобы продать свои книги, чтобы заработать деньги. И они очень хлопотливы, чтобы попасть на все телеканалы и обойти все магазины — дать как можно больше автографов. Да, сегодня это бизнес. Мы утонули в бизнесе.

— Вы считаете, что раньше этого было меньше?

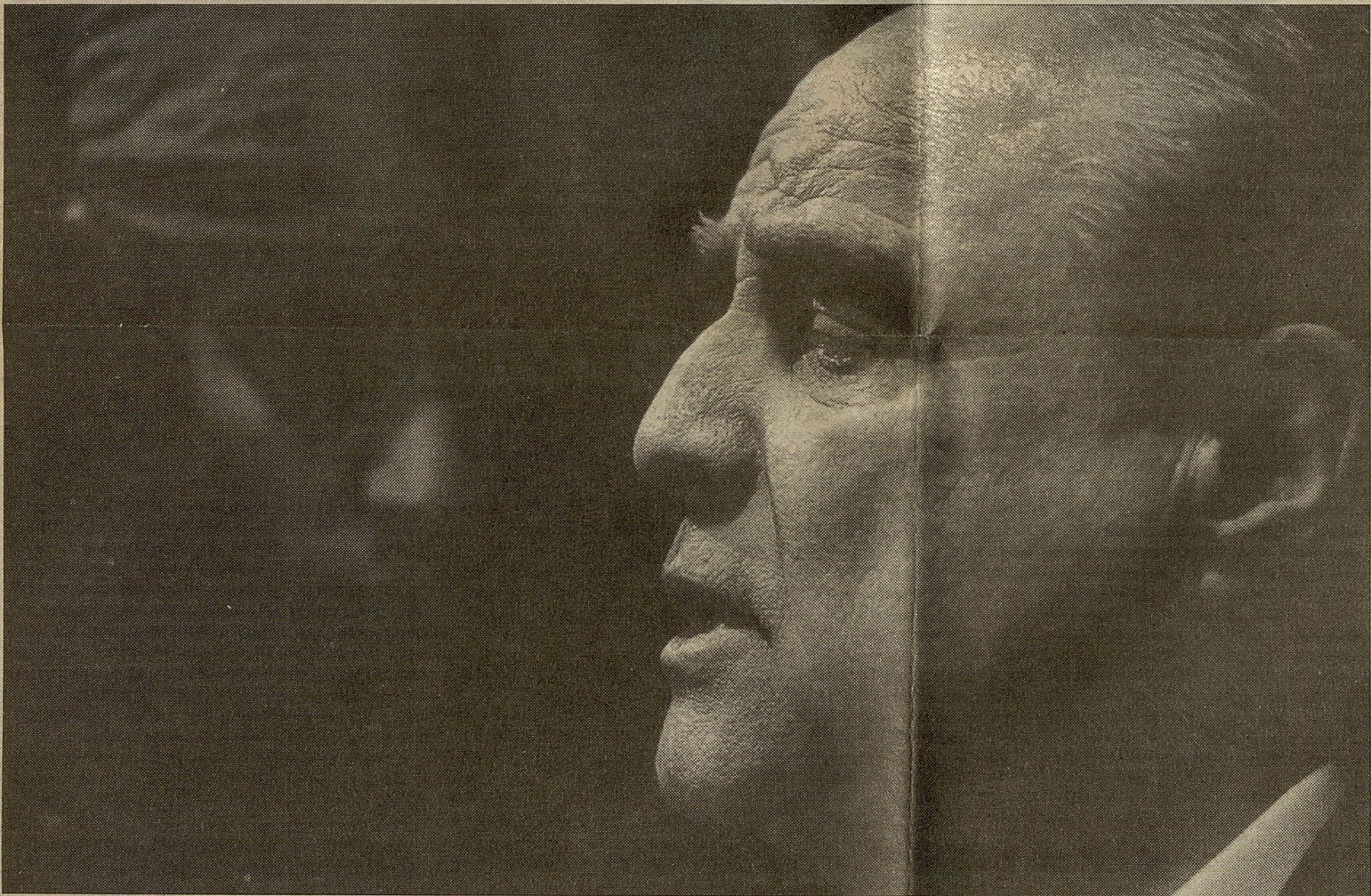
— Думаю, все становится хуже и хуже. В киносреде, по крайней мере. Раньше оставались иллюзии: "Ах, они художники!" Кстати, раньше в контрактах употреблялось слово "художник". Конечно, это было вранье, но...

— Вы никогда не чувствовали себя художником?

— В кино? Нет, нет.

— Никогда?

русского - Станиславского!"

сделал то и то...", и только в самом конце интервью. Именно поэтому мне говорить с прессой не интересно. И потом, мне кажется, что еще одно интервью актера — оскорбление для читателей, потому что актеры и так без конца говорят о себе. Это очень раздражает.

— Поддерживаете ли вы сегодня контакт с кем-либо из мира кино, или полностью удалились от всего этого?

— Зависит от обстоятельств. Я друг Джонни, но в целом я очень далек от этой жизни.

— У вас нет ощущения, что Голливуд изменился?

— Не изменился. Где-то расцветающий бутон, где-то проблеск красоты, но в принципе все то же самое. Нет, право же, все осталось по-прежнему.

— Вам никогда не снится кино?

— Бывают кошмары, но не такие.

— Вам никогда не снятся ваши герои?

— Нет.

гантская страна. Огромная, огромная. И их культурная энергия — самая сильная в мире. Думаю, следующий век будет принадлежать китайцам. У Японии есть технологии, но ее культуру полностью уничтожила Америка. Древняя система правления, их культурные традиции — все это ушло в небытие. И Китай наконец-то встал во весь рост перед миром. И я верю, что если ему помогут, в ближайшие годы нас с опозданием захлестнет восточная философия. И тогда наступит день, когда Западу придет конец.

— В вашей книге я читал, что вы занимаетесь медитацией.

— Это не моя книга. К сожалению, получилось так, что в момент, когда я должен был писать книгу, я был не в состоянии это делать. А я уже принял деньги моего издателя. Поэтому они организовали для меня многочисленные интервью, задавали вопросы, заставляли непрерывно говорить о моих фильмах, хотя меня это не особенно интересу-

десять или пятьдесят жизней, потому что в мире столько интересных вещей. Уже многие годы я интересуюсь, например, зоологией, поведением животных, особенно больших антропоидов, таких, как гориллы, шимпанзе, бабуины. Если проследить развитие науки, можно заметить, что оно идет по экспоненте.

Сегодня кругом электроника, ваш диктофон, телефон, по которому я только что звонил в Англию. Каждый вечер я работаю на компьютере и говорю себе, что скоро компьютерам будут доверять больше, чем людям. А потом у компьютеров появятся голоса и они будут нами командовать. Они уже сегодня вторглись в наше сознание. Когда видишь, как на компьютере появляется результат твоего труда, — это незабываемый момент. Я также полагаю, что наша жизнь скоро устроится наилучшим образом. Скоро ученые откроют ген, управляющий возрастом, и заменят человеческую структуру на структуру какого-нибудь

ный был человек. Но эта эпоха в прошлом — эпоха, когда художник мог бежать от общества и выжить. Сегодня надо жить в обществе и принимать его таким, какое оно есть.

— Какие воспоминания остались у вас от лет, проведенных во Франции?

— О, много. Обожаю Францию, потому что Франция была для меня последним бастионом свободы после войны. Был Сен-Жермен-де-Пре и Жюльетт Греко, и все эти люди в ночных заведении с джазом, как Les Deux Magots. Существовал дух Сен-Жермен-де-Пре, это художники, писатели, интеллектуалы. Сейчас все изменилось. Забавно, французы долгое время обвиняли американцев, что они живут в обществе вещей, обществе потребления, а сегодня сами французы тоже живут в обществе потребления. (Смех). Когда я недавно вернулся в Париж, увидел большие авеню, просторные улицы, это исключительный город. Но я вижу, что

— Как сказать "craft" по-французски? Ах да, ремесло. В кино работают ремесленники. Ремесленники-психологи, как Чарли Чаплин, но не художники, как Ван Гог, Вермеер, или как в литературе.

— Когда вы вспоминаете всех своих персонажей, вы находите в них что-нибудь общее?

— Нет. Я всегда хотел поехать на Таити и поэтому согласился сниматься в "Баунти": в моем контракте было записано, что я поеду туда на шесть месяцев. И Япония, у меня была возможность пожить там. И во Франции, и в Англии... Кино помогло мне поехать по миру. Ну, все, хватит вам?

— Один последний вопрос. Когда вы были ребенком, вы представляли себя таким, каким стали сейчас?

— Это очень странный и глупый вопрос.

— Почему?

— Потому что на него невозможно ответить.

— Но, может быть, в детстве у вас были мечты, которые соотносились или не соотносились с тем, кем вы стали?

— Нет-нет, это утеряно во времени. Я никогда об этом не думал. Это слишком заумный вопрос, рассчитанный на сенсационность. Понимаю, таким вопросом полагается заканчивать интервью, как красивым бантиком. Но это другая жизнь. Вот так.

РИДЖКРЕСТ

